

Евгений ЛУЦЕНКО (г.Владимир) НЕХУДОЖНИЦА

...моему милому дяде Серёже,

Сергею Дмитриевичу Луценко,

его светлой памяти

посвящается....

* * *

Интересно, сколько звёзд погибают, так и не сумев разгореться в холода?..

* * *

На обочине улицы под откосом стоит дом. Сотни, тысячи машин проносятся мимо. Полные пассажиров междугородние автобусы — почти каждую минуту. Недавно переасфальтированная трасса, небольшой поворот. Обочина, откос четыре метра вниз, три метра вбок зарос кустарником и стариками тополя. Уже с дороги — еле виден дом.

По ту сторону улицы нет пешеходного тротуара. Дорога, выпучившаяся окружностью поворота, где каждую машину вот-вот нет-нет да вынесёт на грань... на тот поребрик, небольшой и старый. Сразу за которым — откос четыре метра. Старые ступеньки, — в отличие от поребрика они доживают свои годы без внимания ремонтных служб дорог. Засорены землей, засыпаны, ущерблены, побиты... и прямо от проезжей части, прямо с разворота — где, не вписавшись в поворот, сбить путника — милое дело, — спускаются они к подъезду дома... дверь — замусорена и открыта.

На втором этаже дома, — он находится аккуратно на уровне пешехода, если тот каким-то чудом зайдёт на дикую сторону довольно бурной трасы, — видны следы какой-то странной жизни. Окно парадного подъезда выбито парой треугольников, но в окнах иногда — белые занавесочки, и кажется цветы.

Нижние окна дома целиком скрыты под откосом, и вряд ли вообще видали солнце.

На дальней стороне дороги — широкая пешеходная тропа, асфальтированная и даже культурная. Достаточно приспособленная для того, чтобы по ней можно было, например, гулять вдвоем и ничего вокруг не видеть, — или тащить за две руки большой клеенчатый челноческий баул. Ах да, забыл. Улица ведет сразу к двум городским вокзалам — железнодорожному и для автобусов. Поэтому так оживлена машинами и автобусами эта, в принципе захолустная, неширокая и для больших скоростей не предусмотренная, улица.

С тротуара на дальней стороне дом окончательно становится не виден: обветренные в выхлопных ветрах старые тополя создают иллюзию блеклой завесы мусорности, этакой печальной непривлекательности пейзажа, — в которую и вглядываться-то не стоит. Наверное, как-то так действовал бы в средние века ведьминский приворот безбрачия: облачко пыли поплотней, и всё — никто и всматриваться в тебя не станет.

Ну, или почти никто. Ведь если ты зайдешь по непрохожей стороне той улицы — по тому самому рубцу поребрика между откосом и шоссе, по самой его робкой грани... ты увидишь. Ведь ты зашел туда не просто так. Нет, просто так туда не попадают.

Ведь ты — из тех, кто не привык не смотреть по сторонам. И ты увидишь. Ты увидишь окна нижнего этажа дома.... возможно, ещё реже чем солнце встречают они на себе человеческие взгляды. Возможно, они ждали лишь тебя, чтоб ты увидел. Может быть...

Рыжая кошка, намалеванная кирпичом во всю фанерку, сидит и смотрит в небо. Улыбки и яркие желто-красные цветы, — вероятно, мелки или акварель, — единственные цветы, прощающие людям невниманию, и не просящие у солнца силу жизни... Рукотворные цветы, хранящие память руки юной художницы, создательницы, садоводницы... чуть наивны контуры, чуть слишком искренни цвета... и слишком много безжизненного мусора вокруг. Тряпье, стекло, пивные банки...

Где ты сейчас, та маленькая девочка, что так истово верила в свет солнца, в краски и в весну? Что, кроме этих красок, осталось в мире о тебе?

Выхода — нет....

* * *

Наверное, было бы крайне сложно сложить в кирпичики, при этом не соврав, обломки судеб, оставшихся для нас только в картинках детства. Можно было бы бесконечно фантазировать о том, как семья девочки, приехав из деревни в город, получила комнату, даже квартиру в этом доме. В те далекие годы улица не была настолько шумной. Почти не было автомобилей, зеленились тополя, а утренний первый троллейбус до вокзала своим "улюлюлюм" будил жильцов, всех разом, на работу. Некоторые, живущие в верхнем этаже и видящие в окнах солнце, вставали по нему, а зимой по будильнику, и уезжали на первом троллейбусе... нижние этажи ехали на втором или на третьем, наспех позавтракав бутербродами. Одни работали в диспетчерской вокзала, другие — может быть — на троллейбусной линии, третьи — на винном заводе, четвертые — быть может, на химическом, а может, это была бабка, или молодая девушка с деревни, мывшая полы в ближайшей школе.

Рос город. Росли улицы. Росли пассажиропотоки. Новые кварталы жилых домов вставали на окраинах. Шумнели улицы автомобилями, чахли и сидели среди их пыли тополя. И власть пообещала тем жильцам, что, по мере развития строительства жилья, они получат новые в новых домах квартиры. И обещала, обещала, обещала... две или три семьи даже уехали однажды — одна в Доброе, ещё недавно бывшее пригородным селом, другие две — кажется, в новострой вдалеке по проспекту Ленина. А остальные — ждали своей очереди, ждали. Любили, выходили замуж — внутри своего, постепенно смыкающегося в пределах двух-трёх домов, мирка.... свыкаясь в безвыходности, смиряясь в безысходности, — работали, трудились, по праздникам накрывая на стол постиранные белые с вышивкой скатерти... любили, выходили замуж. У них даже появлялись дети... дети, которым предстояло жить — и видеть несущийся мимо них мир — снизу откоса, вверх — из своего, лишённого солнечных лучей, мирка...

Об этом можно догадываться. Можно догадаться и о том, как детские сердца, наполненные сказкой, жаждой жизни — едва сошедшие со страниц старых книг в прах приподъездной пыли — как мечтали они о чём-то всё-таки другом. Более радужном и светлом. Ведь если там, в широком внешнем мире молодых многоэтажек и

стремительных икарусов, где молодая жизнь ещё только лишь берёт разбег, там книги детства быстро меркнут, гаснут, забываются, как дымка предрассветья, как та зыбкая грань меж сном и явью, как и само детство, то те же книги здесь, в пыли иссохшихся надежд, приобретали силу, власть почти невыносимую. Страшную силу мечты и невозможности. Силу побега. Там, где выхода — нет.

И заколоченные окна нижних этажей сохранили — ярким солнечным мелом — те мечты. Их мечты. Или её. Вот рыжая кошка, сидя на заколоченном фанерой окне, смотрит вверх — на незаметные для нас — отсюда, из этого мира — звёзды. Вот намалеванные цветным мелком на запыленном оконном стекле цветы отрицают и стекло, и пыль... в своей столь ярко-солнечной улыбке.... кто их заметит, тот не сможет просто пройти мимо... кто их там заметит?..

И где сейчас та маленькая девочка, мечтавшая так ярко? С рыжими косичками и огненной как солнышко улыбкой... с тем лихим задором, который с каждым годом угасал, становясь упрямством, и затем — чуть приподнято-насмешливым цинизмом...

Об этом можно разве что гадать.

* * *

Можно гадать.

Но в двадцати метрах вдаль от того дома — если продолжать идти по робкой линии поребрика, не предназначенного никакому пешеходу — на мраморно-светло-розовой стене подсобного строения вызывающе чёрной краской нарисована всего одна картина. Миниатюрка в стиле "графика".

Выпуклый холм, утыканный банками, шприцем и бутылками. Вдаль по нему уходит длинная леди с сигаретой в руке и таксой на поводке. Изящно покачивается её фигура, туго натянут поводок её собаки.

В центре холма белыми буквами — точнее, отсутствием краски черного — розово-нежным цветом самой стены, написано: «NO FUTURE».

И будущего нет....

* * *

Будущего — нет. Можно продолжать строить догадки и отрицать их, можно найти сотню тысяч различий в стилистике тех солнечных цветов, и этой леди-вакса... можно сказать, что всё это чушь, и те цветы нарисовали случайные дети. А эту леди — кто-то из пафосных взрослых.

Можно вообще вызвать бульдозер и снести тот дом. Хотя он, в принципе, жилой, и сбоку от него на бельевой веревке висит ковёр. Таких ковров есть миллионы по стране — советский типовой ковёр. И значит — дом ещё жилой.

Да, можно вообще всё отрицать, только кого ты этим обманешь? Себя, что ли? Ведь будущего нет. И повзрослевшая девочка взяла таксу, свою лучшую подругу, и ушла. Прекрасно зная, что будущего — нет.

Девочка ушла. Где-то она сейчас? Но всё так же цветут цветы, мелом на стекле с рассыпающейся рамой. Всё так же смотрит в фанерное небо гигантская рыжая кошка... и всё так же уходит такса и её женщина — с сигаретой в руках, по холму бутылок, чуть покачиваясь на ходу — туда, где будущего нет.

И дольше всего, как ни странно, не меркнут те искренние цветы — годами не видящие ни одного человеческого лица....

* * *

А если вдуматься, то сколько же звёзд погибают, так и не сумев разогреться в свои холода?...